

~Михаил Лермонтов~Белла Ахмадулина~Омар Хайям~Владимир Высоцкий~

Александр Пушкин~Шарль Бодлер~Юрий Визбор

~Анна Ахматова~Уильям Шекспир~Евгений Евтушенко~Вероника Тушнова~

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ПОЭЗИИ

Уильям Шекспир

О, красота еще
прекраснее бывает...

Сонеты

Федерико Гарсиа Лорка~Роберт Рождественский

Золотая коллекция поэзии

Уильям Шекспир

**О, красота еще прекраснее
бывает... Сонеты**

«ЭКСМО»

1592-1599

УДК 821.111-1
ББК 84(4Вел)-5

Шекспир У.

О, красота еще прекраснее бывает... Сонеты / У. Шекспир —
«Эксмо», 1592-1599 — (Золотая коллекция поэзии)

ISBN 978-5-04-249704-9

Загадочные, чувственные и до сих пор вызывающие споры — сонеты Уильяма Шекспира открывают перед читателем мир страсти, ревности и тайных признаний. Автобиография или гениальная художественная игра? Реальный любовный треугольник или поэтический вымысел? Эта книга приглашает вас прикоснуться к одной из величайших литературных загадок и найти собственные ответы. Перед вами — первый классический перевод Николая Гербеля, с которого началась история знакомства русскоязычных читателей с бессмертными сонетами Шекспира.

УДК 821.111-1
ББК 84(4Вел)-5

ISBN 978-5-04-249704-9

© Шекспир У., 1592-1599
© Эксмо, 1592-1599

Содержание

1. «From fairest creatures we desire increase...»	6
I. «Потомства от существ прекрасных все хотят...»	7
2. «When forty winters shall besiege thy brow...»	8
II. «Когда, друг, над тобой зим сорок пролетят...»	9
3. «Look in thy glass and tell the face thou viewest...»	10
III. «Подумай, в зеркале увидев образ свой...»	11
4. «Unthrifty loveliness, why dost thou spend...»	12
IV. «Скажи мне, красота, зачем ты расточаешь...»	13
5. «Those hours, that with gentle work did frame...»	14
V. «То Время, что в труде приятном взор создало...»	15
6. «Then let not winter's ragged hand deface...»	16
VI. «Не дай зиме убить весны все совершенства...»	17
7. «Lo! In the orient when the gracious light...»	18
VII. «Когда светило дня вздымает на востоке...»	19
8. «Music to hear, why hear'st thou music sadly?...»	20
VIII. «Ты музыка, чего ж с печалью ей внимаешь?...»	21
9. «Is it for fear to wet a widow's eye...»	22
IX. «Ужель затем, чтоб взор вдовы не омрачился...»	23
10. «For shame! Deny that thou bear'st love to any...»	24
X. «Признайся мне, что ты не любишь никого...»	25
11. «As fast as thou shalt wane, so fast thou grow'st...»	26
XI. «Как быстро будешь ты, стареясь, увядать...»	27
12. «When I do count the clock that tells the time...»	28
XII. «Когда мой слух часы бегущие считает...»	29
13. «O! That you were your selfe; but, love you are...»	30
XIII. «О если б мог ты быть всегда самим собой!...»	31
14. «Not from the stars do I my judgement pluck...»	32
XIV. «Я не из звезд свои познания почерпаю...»	33
15. «When I consider everything that grows...»	34
XV. «Когда я вижу, что все дышащее вокруг...»	35
16. «But wherefore do not you a mightier way...»	36
XVI. «Зачем не сбросишь ты губительное бремя...»	37
17. «Who will believe my verse in time to come...»	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Уильям Шекспир
О, красота еще прекраснее
бывает... Сонеты

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

1. «From fairest creatures we desire increase...»

From fairest creatures we desire increase,
That thereby beauty's rose might never die,
But as the ripper should by time decease,
His tender heir might bear his memory:
But thou, contracted to thine own bright eyes,
Feed'st thy light's flame with self-substantial fuel,
Making a famine where abundance lies,
Thyself thy foe, to thy sweet selfe too cruel.
Thou that art now the world's fresh ornament
And only herald to the gaudy spring,
Within thine own bud buriest thy content,
And, tender churl, mak'st waste in niggarding:
Pity the world, or else this glutton be,
To eat the world's due, by the grave and thee.

I. «Потомства от существ прекрасных все хотят...»

Потомства от существ прекрасных все хотят,
Чтоб в мире красота цвела – не умирала:
Пусть зрелая краса от времени увяла —
Ее ростки о ней нам память сохранят.

Но ты, чей гордый взор никто не привлекает,
А светлый пламень сам свой пыл в себе питает,
Там голод сея, где избыток должен быть, —
Ты сам свой злейший враг, готовый все сгубить.

Ты, лучший из людей, природы украшенье,
И вестник молодой пленительной весны,
Замкнувшись, сам в себе хоронишь счастья сны
И сеешь вокруг себя одно опустошенье.

Ты пожалей хоть мир – упасть ему не дай
И, как земля, даров его не пожирай.

2. «When forty winters shall beseige thy brow...»

When forty winters shall beseige thy brow,
And dig deep trenches in thy beauty's field,
Thy youth's proud livery, so gaz'd on now,
Will be a tatter'd weed, of small worth held;
Then being ask'd, where all thy beauty lies,
Where all the treasure of thy lusty days,
To say, within thine own deep-sunken eyes,
Were an all-eating shame and thriftless praise.
How much more praise deserv'd thy beauty's use,
If thou couldst answer 'This fair child of mine
Shall sum my count, and make my old excuse,'
Proving his beauty by succession thine!
This were to be new made when thou art old,
And see thy blood warm when thou feel'st it could.

II. «Когда, друг, над тобой зим сорок пролетят...»

Когда, друг, над тобой зим сорок пролетят,
Изрыв твою красу, как ниву плуг нещадный,
И юности твоей убор, такой нарядный,
В одежду ветхую бедняги превратят, —

Тогда на тот вопрос, с которым обратятся:
«Скажи, где красота, где молодость твоя?» —
Ужель ответишь ты, вину свою тая,
Что в мраке впалых глаз твоих они таятся?

А как бы ты расцвел, когда б им не шутя
Ответить вправе был спокойно и с сознанием:
«Вот это мной на свет рожденное дитя
Сведет мой счет и мне послужит оправданьем».

Узнал бы ты тогда на старости любовь,
Способную согреть остывшую кровь.

3. «Look in thy glass and tell the face thou viewest...»

Look in thy glass and tell the face thou viewest
Now is the time that face should form another;
Whose fresh repair if now thou not renewest,
Thou dost beguile the world, unbless some mother.
For where is she so fair whose unear'd womb
Disdains the tillage of thy husbandry?
Or who is he so fond will be the tomb,
Of his self-love, to stop posterity?
Thou art thy mother's glass, and she in thee
Calls back the lovely April of her prime;
So thou through windows of thine age shalt see,
Despite of wrinkles this thy golden time.
But if thou live, remembr'd not to be,
Die single, and thine image dies with thee.

III. «Подумай, в зеркале увидев образ свой...»

Подумай, в зеркале увидев образ свой,
Что должен он в другом созданье возродиться;
А если нет, то мир обманут был тобой,
И счастья мать одна через тебя лишится.

Кто б пренебречь дерзнул любовью твоей
Из дев, как ни была б собой она прекрасна,
И грудь могла ль ее так сделаться бесстрашна,
Чтоб захотеть сойти в могилу без детей?

Ты матери своей хранишь изображение —
И видит вновь она в тебе свою весну.
Ах, так и ты, склоня взор к старости окну,
Увидишь и вкусишь вновь юности волнение!

Но если хочешь быть забытым, милый мой,
Умри холостяком, а с ним и образ твой.

4. «Unthrifty loveliness, why dost thou spend...»

Unthrifty loveliness, why dost thou spend
Upon thy self thy beauty's legacy?
Nature's bequest gives nothing, but doth lend,
And being frank she lends to those are free:
Then, beauteous niggard, why dost thou abuse
The bounteous largess given thee to give?
Profitless usurer, why dost thou use
So great a sum of sums, yet canst not live?
For having traffik with thy self alone,
Thou of thy self thy sweet self dost deceive:
Then how when nature calls thee to be gone,
What acceptable audit canst thou leave?
Thy unused beauty must be tombed with thee,
Which, used, lives th'executor to be.

IV. «Скажи мне, красота, зачем ты расточаешь...»

Скажи мне, красота, зачем ты расточаешь
Безумно на себя все, что ни получаешь?
Природа не дарит, а лишь займы дает,
И то лишь тем, кто долг свой честно отдает.

Зачем же ты, скупец, во зло употребляешь
Врученное тебе и праздно расточаешь?
Такие суммы, друг, не следует сорить,
Когда и без того едва ты можешь жить!

Имея дело лишь с одним самим собою,
Себя же выгод всех лишаешь ты в борьбе.
Когда ж твой бранный прах покроется землею,
То что благого ты оставишь по себе?

Бесплодной красота твоя сойдет в могилу,
Тогда как по себе ты б мог оставить силу.

5. «Those hours, that with gentle work did frame...»

Those hours, that with gentle work did frame
The lovely gaze where every eye doth dwell,
Will play the tyrants to the very same
And that unfair which fairly doth excel;
For never-resting time leads summer on
To hideous winter, and confounds him there;
Sap checked with frost, and lusty leaves quite gone,
Beauty o're-snowed and bareness every where:
Then were not summer's distillation left,
A liquid prisoner pent in walls of glass,
Beauty's effect with beauty were bereft,
Nor it, nor noe remembrance what it was:
But flowers distill'd, though they with winter meet,
Leese but their show; their substance still lives sweet.

V. «То Время, что в труде приятном взор создало...»

То Время, что в труде приятном взор создало,
Который всех теперь влечет и веселит,
Тираном станет вновь, как то не раз бывало,
И прежней красоты навек его лишит.

Затем что время, вслед за уходящим летом,
Приводит из-за гор суровую зиму —
И мерзнет сок в лесу пустынном и раздетом,
А взор лишь видит снег, безжизненность и тьму.

Тогда, мой друг, когда благие соки лета
Не заключил бы рок в стеклянную тюрьму,
Вся красота его погибла б без привета
И превратилась в прах, чтоб погрузиться в тьму.

Но нежный цвет, в экстракт на зиму превращенный,
Теряет внешность лишь, не запах благовонный.

6. «Then let not winter's ragged hand deface...»

Then let not winter's ragged hand deface,
In thee thy summer, ere thou be distill'd:
Make sweet some vial; treasure thou some place
With beauty's treasure ere it be selfe-kill'd.
That use is not forbidden usury,
Which happies those that pay the willing loane;
That's for thy self to breed another thee,
Or ten times happier, be it ten for one;
Ten times thy self were happier then thou art,
If ten of thine ten times refigur'd thee:
Then what could death do if thou shouldst depart,
Leaving thee living in posterity?
Be not selfe-will'd, for thou art much too fair
To be death's conquest and make worms thine heir.

VI. «Не дай зиме убить весны все совершенства...»

Не дай зиме убить весны все совершенства
В себе, пока она плода не принесла!
Создай себе фиал и подари блаженство
Своею красотой, пока не умерла!

Тебя ростовщиком не назовут за это,
Затем, что этот долг все платят без труда.
Ты образ свой создашь для счастья и привета,
А если десять с ним – и это не беда.

И каждый в десять раз тебя счастливей будет,
Произведя на свет по десять раз тебя —
И смерть вражду к тебе надолго позабудет,
Увидя, сколько раз ты повторил себя.

Ты слишком уж красив и мил душе моей,
Чтоб пищей смерти быть, наследьем стать червей.

7. «Lo! In the orient when the gracious light...»

Lo! In the orient when the gracious light
Lifts up his burning head, each under eye
Doth homage to his new-appearing sight,
Serving with looks his sacred majesty;
And having climb'd the steep-up heavenly hill,
Resembling strong youth in his middle age,
Yet mortal looks adore his beauty still,
Attending on his golden pilgrimage:
But when from highmost pitch, with weary car,
Like feeble age, he reeleth from the day,
The eyes, 'fore duteous' now converted are
From his low tract, and look another way:
So thou, thyself outgoing in thy noon:
Unlook'd, on diest unless thou get a son.

VII. «Когда светило дня вздымает на востоке...»

Когда светило дня вздымает на востоке
Свой лучезарный лик – восторг у всех в глазах,
И каждый на своем приветствует пороге
Приход его, пред ним склоняся во прах.

Вступив на высоту небесного восхода,
Как юноша, за грань успевший перейти,
Оно еще влечет к себе глаза народа,
Следящего его в благом его пути.

Когда ж оно во прах склоняется к закату,
Как мир под гнетом лет и бременем труда,
Холодные к его померкнувшему злату,
Лукавые глаза глядят уж не туда.

Так, полдень пережив, и ты, друг, как руина,
Склонишься в прах, когда иметь не будешь сына.

8. «Music to hear, why hear'st thou music sadly?..»

Music to hear, why hear'st thou music sadly?
Sweets with sweets war not, joy delights in joy:
Why lov'st thou that which thou receiv'st not gladly,
Or else receiv'st with pleasure thine annoy?
If the true concord of well-tuned sounds,
By unions married, do offend thine ear,
They do but sweetly chide thee, who confounds
In singleness the parts that thou shouldst bear.
Mark how one string, sweet husband to another,
Strikes each in each by mutual ordering;
Resembling sire and child and happy mother,
Who, all in one, one pleasing note do sing:
Whose speechlesse song being many, seeming one,
Sings this to thee: 'Thou single wilt prove none.'

VIII. «Ты музыка, чего ж с печалью ей внимаешь?..»

Ты музыка, чего ж с печалью ей внимаешь?
Прекрасному нельзя с прекрасным враждовать;
Зачем же любишь то, что с грустию встречаешь,
И с радостью спешишь все злое воспринять?

Когда гармония согласных звуков хора
В их сочетанье слух твой может оскорбить,
То это потому, что в нем есть тон укора:
Зачем ты все одним предпочитаешь быть.

Заметь, что две струны, касаясь друг друга,
Как мирная семья, в согласии живут,
Где мать, отец и сын, не выходя из круга,
Один прекрасный звук согласно издают.

И песня их без слов твердит тебе и всем:
«Оставшись холостым, останешься ничем!»

9. «Is it for fear to wet a widow's eye...»

Is it for fear to wet a widow's eye,
That thou consum'st thy self in single life?
Ah! If thou issueless shalt hap to die,
The world will wail thee like a makeless wife;
The world will be thy widow and still weep
That thou no form of thee hast left behind,
When every private widow well may keep
By children's eyes, her husband's shape in mind:
Look! What an unthrift in the world doth spend
Shifts but his place, for still the world enjoys it;
But beauty's waste hath in the world an end,
And kept unused the user so destroys it.
No love toward others in that bosom sits
That on himself such murd'rous shame commits.

IX. «Ужель затем, чтоб взор вдовы не омрачился...»

Ужель затем, чтоб взор вдовы не омрачился,
Ты одиноко век провести желаешь свой —
Желаешь, чтоб твой прах такую же слезой,
Как хладный прах жены бесплодной, оросился?

И, сделавшись вдовой бездетною твоей,
Мир будет о твоём бесплодии терзаться;
Тогда как для вдовы способны представляться
За мужнины глаза – глаза ее детей.

Все то, что тратит мот, лишь место изменяет —
И мир все траты те берет себе в удел!
Но трата красоты имеет свой предел:
Не трогая, он тем ее уничтожает.

Нет к ближнему любви в груди холодной той,
Что поступает так безжалостно с собой!

10. «For shame! Deny that thou bear'st love to any...»

For shame! Deny that thou bear'st love to any,
Who for thy self art so unprovident.
Grant, if thou wilt, thou art belov'd of many,
But that thou none lov'st is most evident:
For thou art so possess'd with murderous hate,
That 'gainst thy self thou stick'st not to conspire,
Seeking that beauteous roof to ruinate
Which to repair should be thy chief desire.
O! Change thy thought, that I may change my mind:
Shall hate be fairer lodg'd than gentle love?
Be, as thy presence is, gracious and kind,
Or to thyself at least kind-hearted prove:
Make thee another self for love of me,
That beauty still may liuve in thine or thee.

Х. «Признайся мне, что ты не любишь никого...»

Признайся мне, что ты не любишь никого,
Когда и о себе заботишься так мало!
Немало дев вилося близ сердца твоего,
Но сердце для любви твое не расцветало —

Затем что злобы ты исполнен до того,
Что сам готов вступить с самим собой в сраженье,
Об удаленье в тень стараясь всего,
Чего б ты должен был искать восстановленья.

Опомнись, чтоб и я мог мысли изменить!
Ужель жилище зла прекраснее любви?
Ты так красив – сумей настолько ж добрым быть
И не давай в себе бурлить напрасно крови!

Подобие свое создай хоть для меня,
Чтоб красота жила в тебе иль близ тебя.

11. «As fast as thou shalt wane, so fast thou grow'st...»

As fast as thou shalt wane, so fast thou grow'st,
In one of thine, from that which thou departest;
And that fresh blood which youngly thou bestow'st,
Thou mayst call thine when thou from youth convertest,
Herein lives wisdom, beauty, and increase;
Without this folly, age, and cold decay:
If all were minded so, the times should cease
And threescore year would make the world away.
Let those whom nature hath not made for store,
Harsh, featureless, and rude, barrenly perish:
Look, whom she best endow'd, she gave thee more;
Which bounteous gift thou shouldst in bounty cherish:
She carv'd thee for her seal, and meant thereby,
Thou shouldst print more, not let that copy die.

XI. «Как быстро будешь ты, стареясь, увядать...»

Как быстро будешь ты, стареясь, увядать,
Так быстро и в своем потомстве возродишься,
И кровь – с растратой чьей святыни примиришься —
Еще живя, своей успеешь ты назвать.

При этом – красота, спокойствие, потомство,
Без этого – болезнь, безумье, вероломство.
Когда бы все как ты решились поступать,
Чрез семьдесят лет мир пришлось бы отпевать.

Пусть те, кому злой дух назначил быть скупцами,
Умрут, не дав плода до времени-поры;
Но ты, благих небес осыпанный дарами,
Беречь бы должен был те чудные дары.

Природа образ твой в печать преобразила,
Чтоб оттиски ее потомство сохранило.

12. «When I do count the clock that tells the time...»

When I do count the clock that tells the time,
And see the brave day sunk in hideous night;
When I behold the violet past prime,
And sable curls, all silvered o'er with white;
When lofty trees I see barren of leaves,
Which erst from heat did canopy the herd,
And summer's greene all girded up in sheaves,
Borne on the bier with white and bristly beard,
Then of thy beauty do I question make,
That thou among the wastes of time must go,
Since sweets and beauties do themselves forsake
And die as fast as they see others grow;
And nothing 'gainst Time's scythe can make defence
Save breed, to brave him when he takes thee hence.

XII. «Когда мой слух часы бегущие считает...»

Когда мой слух часы бегущие считает,
А глаз следит, как ночь день в сумрак превращает:
Когда я вижу, как фиалка никнет в прах
И злая седина является в кудрях;

Когда на лес нагой гляжу я из оконца,
Дававший в летний зной убежище от солнца,
И вижу, как траву, красу родных лугов,
Увозят, чтоб сухой сложить ее под кров —

Тогда о красоте твоей я помышляю,
Что Время и ее погубит, так как знаю,
Что блеск и красота склоняются во прах,
Чтоб место дать другим, стоящим на глазах.

От Времени ж косы, таящей вероломство,
Способно охранять тебя одно потомство.

13. «O! That you were your self; but, love you are...»

O! That you were your self; but, love you are
No longer yours, than you your self here live:
Against this coming end you should prepare,
And your sweet semblance to some other give:
So should that beauty which you hold in lease
Find no determination; then you were
Yourself again, after yourself's decease,
When your sweet issue your sweet form should bear.
Who lets so fair a house fall to decay,
Which husbandry in honour might uphold,
Against the stormy gusts of winter's day
And barren rage of death's eternal cold?
O! None but unthrifths. Dear my love, you know,
You had a father: let your son say so.

XIII. «О если б мог ты быть всегда самим собой!..»

О если б мог ты быть всегда самим собой!
Но ты принадлежишь себе, покамест дышишь,
И, смерти чуть шаги злоещие услышишь,
Другому передать обязан образ свой.

Тогда лишь красота, которой обладаешь,
С тобою не умрет – и, превратившись в прах,
В потомстве снова ты звездой заблесташь,
Когда твой образ вновь воскреснет в их чертах.

Кто пасть такому даст прекрасному жилищу,
Когда его еще возможно поддержать,
Чтоб силе вьюг оно могло противостоять
И холоду времен, присущему кладбищу?

Тот, кто небрежлив! Ведь ты, друг милый мой,
Имел отца – так пусть и сын то ж скажет твой!

14. «Not from the stars do I my judgement pluck...»

Not from the stars do I my judgement pluck;
And yet methinks I have astronomy,
But not to tell of good, or evil luck,
Of plagues, of dearths, or season's quality;
Nor can I fortune to brief minutes tell,
Pointing to each his thunder, rain and wind,
Or say with princes if it shall go well
By oft predict that I in heaven find:
But from thine eyes my knowledge I derive,
And constant stars in them I read such art
As 'Truth and beauty shall together thrive,
If from thyself, to store thou wouldst convert':
Or else of thee this I prognosticate:
'Thy end is truth's and beauty's doom and date.'

XIV. «Я не из звезд свои познания почерпаю...»

Я не из звезд свои познания почерпаю,
Хотя науку звезд я несколько и знаю,
Но только не затем, чтоб голод предвещать
Иль приближенье бурь по ним предугадать;

И о висящих злом над кем-нибудь невзгодах
Не в состоянье я его предупредить,
И что б ни ждало нас в бегущих встречу годах,
Я не могу того властителям открыть.

Все знание мое в глазах твоих, с тобою —
И в этих лишь звездах сумел я прочесть,
Что будут красота и правда процветать,
Когда оставишь ты потомство за собою.

Иначе предскажу тебе я, милый мой,
Что в гроб с тобой сойдут и правда с красотой.

15. «When I consider everything that grows...»

When I consider everything that grows
Holds in perfection but a little moment,
That this huge stage presenteth nought but shows
Whereon the stars in secret influence comment;
When I perceive that men as plants increase,
Cheered and checked even by the self-same sky,
Vaunt in their youthfull sap, at height decrease,
And wear their brave state out of memory;
Then the conceit of this inconstant stay
Sets you most rich in youth before my sight,
Where wasteful Time debateth with decay
To change your day of youth to sullied night,
And all in war with Time for love of you,
As he takes from you, I engraft you new.

XV. «Когда я вижу, что все дышащее вокруг...»

Когда я вижу, что все дышащее вокруг
Бывает лишь на миг прекрасно, милый друг,
Что только зрелищ ряд дает нам сцена мира,
Понятный лишь для звезд полночного эфира;

Когда я вижу, что под грозной твердью той,
Как злаки, люди вокруг рождаются и плодятся,
Сначала к небесам, потом к земле стремятся
И исчезают вслед из памяти людской:

Тогда, в виду всех зол и суетности бренной,
Краса твоя сильнее мне взоры поразит
И Времени – скупцу, грабителю вселенной —
Не дать бы лишь твой день в мрак ночи превратить —

Я объявлю войну, подвигнутый тобою,
И отнятое вновь отдам тебе с лихвою.

16. «But wherefore do not you a mightier way...»

But wherefore do not you a mightier way
Make war upon this bloody tyrant, Time?
And fortify your self in your decay
With means more blessed than my barren rhyme?
Now stand you on the top of happy hours,
And many maiden gardens, yet unset,
With virtuous wish would bear you living flowers,
Much liker than your painted counterfeit:
So should the lines of life that life repair,
Which this, Time's pencil, or my pupil pen,
Neither in inward worth nor outward fair,
Can make you live your self in eyes of men.
To give away yourself, keeps yourself still,
And you must live, drawn by your own sweet skill.

XVI. «Зачем не сбросишь ты губительное бремя...»

Зачем не сбросишь ты губительное бремя,
Которым так гнетет тебя седое Время?
Зачем не вышлешь, друг, в отпор на грозный зов,
Ты нечто посильней, чем пук моих стихов?

Теперь уж ты достиг поры своей счастливой,
И много пышных клумб средь девственных садов
Украстить мог бы ты кошницею цветов,
Похожих на тебя, как твой портрет красивый.

Да, жизнь должна сама себя изображать,
Так как перо и кисть не могут приказать
Жить вечно на стене пред публикою грешной
Твой образ с стороны ни внутренней, ни внешней.

Ты сохранишь себя, отдавшись любя, —
И долго будешь жить, изобразив себя.

17. «Who will believe my verse in time to come...»

Who will believe my verse in time to come,
If it were fill'd with your most high deserts?
Though yet heaven knows it is but as a tomb
Which hides your life, and shows not half your parts.
If I could write the beauty of your eyes,
And in fresh numbers number all your graces,
The age to come would say 'This poet lies;
Such heavenly touches ne'er touch'd earthly faces.'
So should my papers, yellow'd with their age,
Be scorn'd, like old men of less truth than tongue,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.